

(пераклады А. Луцкевіча і Л. Дзекуць-Малея, Я. Станкевіча, А. Клышкі, Эжархату), лацінскі (пераклады В. Гадлеўскага, У. Чарняўскага) ці царкоўнаславянскі (пераклады В. Сёмухі, М. Міцкевіча) тэкст.

Літаратура

1. *Блінава Э., Мяцельская Е.* Беларуская дыялекталогія: вучэб. дапаможнік для філал. фак. ВНУ. 2-е выд., дапрацаван. і дапоўн. Мн.: Выш. школа, 1980. 304 с., карты.
2. Греческо-русский словарь Нового Завета: Пер. Краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана. / Рус. перевод и редактирование В. Н. Кузнецовой при участии Е. Б. Смагиной и И. С. Козырева. М.: Российское Библейское Общество, 1997. 240 с.
3. *Мечковская Н. Б.* Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий. Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство ФАИР, 1998. 352 с.
4. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечёрки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : Больш за 65000 слоў / Пад рэд. М. Р. Суднік, М. Н. Крыўко. Мн.: БелЭн, 1996. 784 с.
6. *Яскевич А. С.* Библия и национальный язык / Нёман, 1999. № 10. С. 209–250.

ПРОБЛЕМА НЕПЕРЕВОДИМОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА «ОХОТА НА СНАРКА»

М. В. Ходинская

В сложном искусстве перевода есть область, которая вызывает наибольшую трудность для переводчика: это «непереводимое» – авторские неологизмы, имена собственные, каламбуры, слова-реалии, фразеологизмы, звукоподражания, отклонения от литературной нормы.

Проблема перевода «непереводимого» исследовалась в трудах Ш. Балли, В. В. Виноградова, В. С. Виноградова, А. А. Реформатского, Б. А. Ларина, Н. М. Шанского, М. Н. Соболева, В. Н. Комиссарова, В. Д. Уварова и других замечательных русских переводчиков, писателей, критиков, языковедов. Знание теории перевода необходимо, однако, на наш взгляд, на первом плане должна быть практика. Не последнюю роль в приобретении переводческих навыков играет анализ переводов, в частности – нескольких переводов одного текста.

Подобную работу мы и сделали и предлагаем ее как возможность практического обучения переводу. Наша цель – освоить возможные способы перевода непереводимого на конкретных примерах и уяснить достоинства и недостатки тех или иных приемов.

Новизна данной работы заключается в предмете исследования: проблеме непереводаемого мы рассматриваем на основе поэмы Л. Кэрролла «Охота на Снарка», написанной в жанре классического стихотворного нонсенса – одного из самых труднопереводимых жанров. До сих пор нонсенсу как бесполезной чепухе практически не уделялось внимания отечественными авторами. Между тем работа над головоломным содержанием, уникальным стилем, представляющим собой замысловатое переплетение «непереводимостей», не только интересна, но и полезна как замечательное упражнение и молодым, неопытным переводчикам, и профессионалам. Итак, мы проанализируем четыре перевода поэмы – работы Л. Яхнина, Е. Клюева, М. Пухова, и С. Афонькина – сравним их между собой и проследим, какой переводчик лучше преодолел трудности, связанные с «непереводимым».

Мучения переводчиков над именами героев (несколько загадочных сказочных существ и более чем странная команда отчаянных снарколовов) начинаются уже с заглавия. Кто такой Снарк – главный герой поэмы? У англоговорящих читателей слово Снарк (Snark) вызывает представление об акуле (shark), улитке (snail), змее (snake), о ловушке, западне (snare), рычании и ворчании или спутанном клубке (snarl), о корабле и лае (bark). Однако тем, кто не владеет английским языком, это слово ни о чем не говорит, и на наш взгляд, удачное решение было найдено Клюевым, который заменил слово Снарк на Смарк, что может ассоциироваться со словами «мрак», «сумрак», «смрад», «морок». Таким образом, приобретает дополнительное значение и заглавие: в словосочетании «Охота на Смарка» слышится «охота насмарку» – то есть сразу подчеркивается вся бесполезность затеянного мероприятия.

Напомним, что нонсенс – это волшебный, вывернутый наизнанку мир детства, это постоянная игра со словом и со смыслом. Соответственно, наиболее выигрышным будет перевод, в котором сохранены элементы авторской игры. От этого и будем отталкиваться.

Одной из особенностей стиля Кэрролла являются любопытные неологизмы – «слова-бумажники», заключающие в себе два слова и более. В поэме много подобных гибридов (слово «Снарк» – один из них). Рассмотрим такой отрывок:

The Beaver went simply *galumphing* about
At seeing the Butcher so shy [1].

То есть Бобр скакал вокруг, торжествуя из-за того, что Мясник оказался трусом. Афонькин переводит эти строки так:

Бобер галумфировал, тайный порок
Врага наконец обнаружив [2].

Глагол «галумфировать» – калька с английского – небрежность переводчика. Это слово ничего не несет русскоязычному читателю, и лишь самые проницательные сумеют уловить здесь смутные отголоски слов «триумф» и «галоп». Для детей же – а ведь именно им предназначается поэма – это слово останется загадкой, набором звуков.

Ах, как скакатал, брыкоблучивал вспрыг,
Хихикал злорадно Бобер! [5, с. 338]

Интересные гибриды слов придумал Яхнин, однако не слишком ли много всего тут накручено, наверчено? Ведь можно сказать гораздо проще и эффектнее, так, например, как это сделал Пухов:

А Бобер, прыжествуя, забежал кругом [4].

«Прыжествовать» – замечательный глагол! Пожалуй, именно сочетание слов «прыгать» и «торжествовать» точнее всего передает состояние Бобра – его восторг по поводу позорного поведения Мясника.

Как мы видим, не так уж это и просто – удачно скрещивать слова; очень важно, чтобы придуманный неологизм был звучным, броским, смешным и к тому же легко поддавался расшифровке.

Рассмотрим пример каламбура. Булочник завидел Снарка и подает знаки своей команде:

«There is Thingumbob shouting!» the Bellman said,
He is shouting like mad, only hark!
He is waving his hands, he is wagging his head,
He has certainly found a Snark!
They gazed in delight, while the Butcher exclaimed
«He was always a desperate wag!» [1]

Булочник кричит, размахивает руками, кивает головой – наверняка он нашел Снарка! А Мясник презрительно заявляет, что Булочник всегда был отчаянным... Кем? Дело в том, что слово «wag» имеет в английском языке два значения: «взмах», «кивок» и «шутник». Клюев, Афонькин и Яхнин переводят слово «wag» как «шутник», и лишь Пухов сохраняет каламбур Кэрролла, удачно назвав Булочника «лоботрясом».

Одним из важнейших критериев оценки перевода «непереводимого» является правильная передача содержания, близость оригиналу по духу. При этом излишняя свобода переводчика, отступление от оригинала ради возможности удачно скаламбурить и в чем-то даже посоревноваться с автором нежелательны, если не сказать недопустимы.

Рассмотрим этот вопрос подробнее на следующем примере. Капитан перечисляет снарколавам приметы Снарка:

The first is the taste,
Which is meager and hollow, but crisp:

Like a coat that is rather too tight in the waist
With a flavour of Will-o-the-wisp [1].

Попробуйте представить себе, как хрустит на зубах тесное пальто. У Клюева это получилось:

Смарк не остр, но хрустит на зубах
(Он хрустит, как пальто, если в талии жмет) –
С легким привкусом «чур-меня-ах»! [3, с. 86]

Замечательная бессмыслица, особенно хорош привкус «чур-меня-ах». Пухов не рискнул так экспериментировать с русским языком и обошелся более правильными, обтекаемыми фразами:

Свойство первое – вкус; он не слишком хорош;
Хоть и тонок, зато ограничен;
Словно пара отличных, но тесных галош –
А в оттенках совсем необычен [4].

Конечно, и это бессмыслица, но она сильно уступает оригиналу, а также переводу Клюева.

Афонькин довольно удачно сравнил вкус Снарка с детской пустышкой: так переводчик сохранил мысль автора, что Снарк полый внутри и скрипит на зубах; но сравнение с тесным пальто и привкус чего-то неуловимого переводчик осторожно пропустил.

Яхнин, в свойственной ему манере, сохраняет лишь общий смысл строфы – «Снарк – существо, своеобразное на вкус»:

Во-первых, у Снарка особенный вкус –
Потоньше кошачьего уса.
Он мягкий, как вата, и пышный, как мусс.
Не всякому Снарки по вкусу [5, с. 328].

Как мы видим, ничего подобного не было в оригинале. Да, это бессмыслица в духе Кэрролла, но это, скорее, фантазия на тему кэрроловской поэмы, самостоятельное произведение.

Подведем итоги. Лучшим переводом из четырех рассмотренных по праву можно назвать перевод Пухова как самый верный, близкий оригиналу. Слабее перевод Клюева: в нем допускаются небольшие отступления от оригинала, а некоторые каламбуры, к сожалению, остаются для переводчика «непереводимой игрой слов», хотя это и не указывается в сносках. Однозначно наиболее слабый, устаревший перевод Афонькина. Что касается варианта Яхнина, явно не претендующего на точность, то назовем его лучшим пересказом поэмы Л. Кэрролла «Охота на Снарка».

Надеемся, что классическому английскому стихотворному нонсенсу, о котором сейчас незаслуженно забыли, впоследствии будет уделяться

больше внимания; интереснейшая проблема перевода нонсенса и «непереводимого» в нем еще далеко не раскрыта и ждет своих исследователей.

Литература

1. *Carroll L. The Hunting of the Snark.* Интернет-адрес: <http://www.lib.ru/CARROLL/snarkeng.txt>.
2. *Кэрролл Л. Охота на Снарка* / Пер. с англ. С. Афонькина. Интернет-адрес: <http://www.lib.ru/CARROLL/snark.txt>.
3. *Кэрролл Л. Охота на Снарка* / Пер. с англ. Е. Ключева // Лир. Э, Кэрролл. Л. Целый том чепухи. М.: Всесоюзный молодежный книжный центр, 1992. С. 76–123.
4. *Кэрролл Л. Охота на Снарка* / Пер. с англ. М. Пухова. Интернет-адрес: <http://www.lib.ru/CARROLL/snark3.txt>.
5. *Кэрролл Л. Охота на Снарка* / Пер. с англ. Л. Яхнина // Кэрролл Л. Приключения Алисы. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. С. 317–354.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПЕТРА II ПЕТРОВИЧА НЕГОША

Л. С. Циманович

«Слово о полку Игореве» – уникальный памятник литературы восточных славян, по художественной ценности затмивший все творения древнерусской словесности и получивший мировое признание, о чем свидетельствует множество прозаических и поэтических переводов. В частности, на сербскохорватский язык «Слово» переводили М. Светич (Ё. Хаджич), П. Негош, М. Панич-Суреп, Д. Медич, О. Утешенович-Острожинский, И. Шайкович, И. Бадалич, М. Бабович.

Изучением восточнославянского памятника в разное время занимались крупные югославские литературоведы: А. Гаврилович, Р. Лалич, М. Бабович, М. Бошкова, М. Клеут, М. Мулич, М. Сибинович, М. Стойнич, Дж. Трифунович. По верному заключению А. Шешкен, «исследование «Слова о полку Игореве» в Югославии ведется в тесном взаимодействии с его изучением в мировом литературоведении. Поэтому в ряде статей заметна концептуальная близость к работам исследователей из других стран, прежде всего российских. Югославские ученые уделили основное внимание изучению переводов «Слова» и их роли в литературах своей страны» [5, с. 97].

В югославянской рецепции «Слова» особо значим период второй половины XIX в., когда появились первые переводы его на сербский язык, среди которых и переложение черногорского поэта, а также главы государства и предстоятеля церкви, *Петра II Петровича Негоша (1813 – 1851)*.

В культуре многих народов имеются личности, обладающие даром